

Автор: Карягина Марина Федоровна

Книга: Золотое яблоко

Рассказ: Золотое яблоко

Лунный свет нежно просачивается сквозь полог. Луна словно задумала окрасить белое полотно, и поочередно расцвечивает его то голубой, то розовой и зелёной красками...

Я каждый вечер с нетерпением жду, когда наступит время ложиться спать, потому что по вечерам под полог приходит сказка.

Ребята с нашей улицы завидуют, что у нас есть полог. Ни у кого нет, а у нас есть: бабушка сделала. Кто-то из друзей называет полог белым автобусом, кто-то говорит, что он похож на сказочную кибитку. Как бы не называли, никто не может догадаться, с какими чувствами я переносюсь по вечерам в мир снов.

– Согрей постель, – сказала бабушка, по обыкновению погладив мою голову мягкими, словно пух, руками.

За занавеской я хорошо слышу её шёпот: бабушка молится. Я догадываюсь: таким сердечным голосом можно говорить только о самом сокровенном. Волшебный лунный свет смешивается с загадочными словами, и они уводят меня в совершенно незнакомый, неведомый мир...

«...Благослови нас, мама. Пошли добро, убереги от бед. Пусть Господь дарует тебе вечную жизнь в раю, пусть пред твоими очами разливается молочное озеро, а на устах будет мёд...».

Я знаю, она хочет, чтобы её услышала старая бабушка... Придёт или не придёт?.. Постель уже мягкая и тёплая, как летнее белое облако. Рай... Что такое рай? А где находится молочное озеро?..

Я задремал, но как только бабушка приподняла край одеяла, сон улетел.

– Бабушка, когда мы с тобой сходим в рай?

Какое-то время бабушка молчит.

Никому не ведомо, доведётся попасть в рай или нет. Но тот, кто однажды отправится туда, обратно уже не вернётся.

– Если понравится, могу и не возвращаться! – бойко заявляю я. Потому что точно знаю: я всегда найду обратную дорогу, если захочется навестить своих друзей. – Покупаемся всласть в молочном озере... Или там ничего хорошего?

– Оттуда ещё никто не возвращался, не рассказал, как там и что... А если хочешь узнать про рай... Твоя старшая бабушка, земля ей пухом, так сказывала. Слушай.

«На высокой-превысокой горе, на седьмом небе, блестит на солнце золотой дворец. Если взглянет на него грешный человек, он может ослепнуть. В этом золотом чертоге живёт Верховный Бог со своей свитой. Бог знает всё, что происходит в видимых и невидимых мирах. Возвращает человеку его добрые деяния добром, злые – злом. Вокруг простирается безбрежное молочное озеро, с гор текут медовые реки...»

– Наверное, цветы там цветут круглый год, в саду полно спелых ягод и плодов... А в центре растёт огромная яблоня, вся покрытая золотыми яблоками, – добавляю я. Картины, которые одна за другой возникают перед глазами, словно оживают.

– Верно, сынок, так оно и есть, так и есть, – соглашается бабушка. – Как же иначе? В райском саду непременно растут золотые яблоки – яблоки истины...

– Эх! – глубоко вздыхаю я. Рот наполняется слюной.

В нашей деревне почему-то ни у кого нет яблонь. А колхозный сад, говорят, охраняют с собаками, похожими на волков – к нему близко не подойдёшь.

Я вижу, как яркая звезда опускается на полог, чуть заметно подмигивает мне, и улетаю далеко-далеко, туда, где никогда не был...

Когда проснулся, бабушки рядом не было. Быстренько вскочил, оделся. Даже не заметил, как очутился возле Сашкиного дома: стою, стучусь в окошко. Потом мы вместе побежали за Ленкой и Толиком: решили ни свет ни заря отправиться на дальний холм. Этот холм называют холм Улыпа: говорят, в старину здесь жил Улып – чувашский богатырь. Там, где он присел отдохнуть и стряхнул с сапог налипшую землю, образовался холм. Вот так вот! А сейчас там колхозный сад.

Гурьбой шагаем по грунтовой дороге, из-под ног столбом поднимается пыль. Я, сбиваясь от волнения, рассказываю друзьям про рай.

Что касается пыли, мы только думаем, что это обычная пыль. Посмотрите: она поднимается вверх, превращается в марево и манит за собой в высь. Сегодня что-то случилось с природой. Или это только чудится – на холме, там, где должно взойти солнце, сияет удивительной красоты дом! Едва взглянув на него, я увидел остроконечные макушки, полыхающие, как свечи, наличники, рассыпающие вокруг сверкающие лучи... Все именно так, как и представлял.

– Не надо туда смотреть! Не то ослепнете! – закричал я, повернувшись спиной к дворцу.

Не помогло. Мои друзья и ухом не повели, вытаращили глаза и стоят, не шелохнувшись, смотрят на дворец. Всё пропало. Друзья больше никогда не смогут увидеть белый свет... Они даже не успели узнать, что такое рай!..

Погоди, но ведь я не ослеп! Выходит, я безгрешный.

– Эй, взгляните по сторонам, видите что-нибудь?

Друзья даже не слышат меня. А вдруг они не ослепли, а оглохли? В их растерянных, широко раскрытых глазах как в зеркале полыхает отсвет дворца.

– Айда на холм! Мы вышли в путь не затем, чтобы смотреть на рай издалека. Когда доберёмся туда, искупаемся в молочном озере и очистимся, поплаваем в медовых реках и станем сладкими, попробуем плодов с золотой яблони и превратимся в бессмертных...

– В бессмертных? Не болтай. Все умирают, когда состарятся: люди, народы, – резко обрывает Сашка, нисколько не считаясь с моими словами. Его глаза не мигая смотрят на холм, словно живут другой жизнью, в ином измерении. Пусть хоть так, лишь бы все были целы и невредимы.

– А вот и нет. Если попадёшь в рай, то обратной дороги уже не будет. Следы людей навсегда пропадают у входа в этот дворец. Земля проглатывает их. Рай – это царство бессмертия.

– В рай попадают только кто не грешил...

– А мы... Разве нельзя прожить без греха, если постараться, а? Дворец уже испытал нас. Мы не ослепли от его сияния, хотя от него даже воздух плавится, – шепчу я, радуясь, что мы все пока безгрешные.

– Пойти – пойдём, но постараемся хорошенько запомнить, как там. А когда вернёмся домой, устроим рай у себя, – даром что у Сашки лоб большой, он по-прежнему не хочет считаться с тем, что я говорю.

– Если каждое утро после утренней дойки выливать молоко в лужу, у нас тоже появится молочное озеро. Сами будем пить молоко по вечерам, – говорит Ленка.

– А как сделать так, чтобы в реке вместо воды тёк мёд? – хлопает глазами Толик.

– Потом придумаем, решает Сашка. И первым начинает карабкаться на холм.

Больше всего нам хочется поесть вдоволь яблок. Когда доберёмся до сада и отыщем ту яблоню... Если даже не найдём золотую, а с хрустом, как в кино, поедим обыкновенных яблок, будет здорово. Может, удастся засунуть в карман пару штук для бабушки...

– А если встретим самого Господа, что мы ему скажем? – спрашивает вдруг Ленка.

Как тут не растеряться! Никто из нас об этом не подумал. Я вспомнил, как бабушка шепталась с Богом. «Даруй нам радость, даруй достаток, пошли нам день, чтобы его прожить, пошли нам ночь, чтобы пережить ночь, даруй жизнь, чтобы провести его в трудах. Помогите накормить голодного, помогите обогреть замёрзшего...». Но мне пока ничего не надо. Кроме яблок, конечно... «Эй, Господи! Мне бы наесться разочек в жизни яблок», – так, наверное, надо будет сказать Богу.

Толик хлопает глазами – видать, собирается с мыслями. Может, Сашка тоже нашёл нужные слова.

Огромное солнце всей своей мощью улеглось на холме. А мы карабкаемся на него с другой стороны. Это только издали кажется, что холм близко. Пока взберёшься на него, не раз взмокнешь. «Зимой надо сюда приходить, – думаю я про себя. – Как покатишься с вершины холма на лыжах или санках – можно сразу влететь в свой двор. Если, конечно, ворота будут открыты».

Вот показались яблони. Ветки сплошь усыпаны краснобокими яблоками, даже листьев не видно! Или это снегири облепили? Откуда летом возьмутся снегири?! Точно яблоки, если даже не верится, всё равно они.

Добрались до первой яблони. Господа Бога не видно. Стоим в растерянности. Сорвать или нет? Со вчерашнего вечера во рту маковой росинки не было – почти все разом громко сглотнули слюну.

Толик оказался самый дерзкий. Подошёл и молча сорвал яблоко. С хрустом откусил. Брызнул сок. Мы опять невольно проглотили слюну. Толик чуть пожевал, и вдруг лицо его страшно скривилось. Мы перепугались.

– Кислятина! Сами погрызите!

Мы не решились сорвать с ветки ещё одно яблоко, по очереди попробовали надкусанное Толиком – и вправду, такое кислое, во рту не удержать. Угрюмо поплелись по тропинке, которая, изгибаясь змеей, вела наверх. Я не стал выбрасывать отгрызок, решил, что может потом дозреет, сунул в карман. А не дозреет, отдам ягнёнку, он не откажется.

Сверкающий дворец скрылся из глаз. Может, только на время? Или так принято завлекать?.. А где молочное озеро? Не слышно, чтобы текли медовые реки. Мёд, конечно, не вода – журчать не станет, будет течь неторопливо, густо растекаясь во все стороны. Должно быть, над липкой гладью пляшут солнечные лучи, душистый аромат дразнит всю округу. На берегах по обе стороны зеленеют деревья и травы, вбирающие нектар реки. Нам даже во сне не снилась такая красота...

А какое в озере молоко? Только бы не кипячёное – оно невкусное, даже пробовать не стану. А если будто только что подоенное, с мелкими пузырьками, тогда и говорить нечего – готов не только попить, но и искупаться. Эх, благодать! Как только Бог придумал этот мир?!

А как отыскать яблоню с золотыми яблоками? Жёлтые-прежёлтые плоды должны манить к себе издали... Наверное, коричневые зёрнышки светятся изнутри. Не успеешь откусить, кусочки уже тают во рту. А вкус... Как шербет. Шербет я пока ни разу не пробовал, но думаю, он вкусный-превкусный. Возьмёшь в рот, и во всём теле появляется какая-то летящая лёгкость. И тогда даже если проживёшь двести лет, или пятьсот, или тысячу, лицо не сморщится, как картошка весной... Голос тоже не состарится... И старинные песни всегда будут звучать по-новому...

– Это ещё что за сопляки здесь?!

Мы вздрогнули. Смотрим в ту сторону, откуда раздался голос – никого нет. Господь! Он, наверное, не сразу появляется перед глазами. От страха я даже забыл, о чём хотел попросить хозяина дворца. Друзья тоже перепугались, аж трясутся. Кто мог подумать, что Бог так напугает! Ни вперёд пойти, ни назад вернуться... Где стояли, там и свалились на землю.

С Толиком что-то стряслось – стоит, растерянно переминается с ноги на ногу. Вдруг, не сказав ни слова, он забежал в кусты. Бедняга мучился там довольно долго. Но откуда ни возьмись, как гром среди ясного дня, загрохотал тот же страшный голос.

– Ты что поганишь райский сад? Наелся до отвала колхозного добра! Даром что малец, а наложил такую кучу!

Ничего не понимая, озираюсь по сторонам. Нет здесь никакого дворца. Может, и не было. То, что слепило издали глаза, возможно, было просто обманом зрения.

Неожиданно всё встало на свои места. Из-за кустов, волоча Толика за ухо, появился... дядя Тимеркке. Наш друг даже пикнуть не смеет – или у него с перепугу голос пропал? Мы стремительно вскочили на ноги. Многоцветье перед глазами сразу пропало, мир стал обычным. Никакой это не рай! И Бога здесь нет! Или дядя Тимеркке и есть Господь? Вряд ли... Дядя Тимеркке – с одной стороны, он свой, деревенский, с другой – не совсем и наш. Я слышал, будто бы он ребёнком выпал с татарской повозки, которая проезжала по деревне...

Значит, золотая яблоня никогда не росла в колхозном саду? Теперь не у кого попросить яблок, вот что плохо... Если не золотых, хотя бы обыкновенных... Дядя Тимеркке хоть и не Бог, но всё же человек, должен нас понять.

– Здравствуйте, дядя Тимеркке. Мы хотели попробовать яблок, вот и вышли в дальний путь, – не удержался я. Иначе бы просто лопнул от своих переживаний.

– Бездельники, яблок они захотели. Выворачивайте карманы. Живо, – с издёвкой произнёс дядя Тимеркке. Зря я на него надеялся.

Думал, что придётся вытерпеть только эти насмешливые слова. Карманы всё равно пустые, надо просто стиснуть губы и потерпеть. Но оказалось, самое страшное было впереди.

– Ату их! – крикнул он вдруг. Тут же с другой стороны, чуть ли не с неба, выскочили собаки, огромные, как телята, и понеслись на нас! Худощавые охотничьи собаки с длиннющими ногами! Они нисколько не похожи на деревенских. Мы ринулись врассыпную! Хочется бежать быстрее, но ноги заплетаются, стали такие тяжёлые, будто в миг налились чугуном. «Ха-ха-ха...» – звучит в ушах издевательский смех дяди Тимеркке. Вот Сашка бросился в сторону и упал, покатился кубарем. Ленка обронила сандалию и громко плачет. Толик с изменившимся лицом несётся впереди всех.

Только повернул голову, чтобы посмотреть, не догоняют ли собаки, а одна ка-а-ак укусит меня! Под коленкой нестерпимо обожгло. Я понял, что погиб! Упал ничком и лежу на земле. «Сейчас умру», – мелькает в голове. Я слышал, это очень опасно, когда кусает бешеная собака. А эта лохматая наверняка бешеная, иначе зачем бы гналась за невинной ребятнёй?

Приготовившись умирать, я закрыл глаза, аккуратно сложил руки на груди. Попасть бы в рай! Потом, когда настанет время, вызову туда Сашку с Ленкой, Толика. Вот наедемся яблок!

Лежу не шелохнувшись, но всё никак не умираю и не умираю. Вот очень близко послышалось собачье дыхание. Заодно, кажется, почувствовал, как и сам задышал по новой. Эта тварь лизнула меня горячим языком в щёку. Бессовестная.

– Не бойся, не укусит, – доносится откуда-то сверху ликующий голос дяди Тимеркке.

И лежать больше не хочется, и вставать боюсь. Заплакать от нестерпимой боли тоже опоздал. Кое-как приподнялся, опираясь на локти. Встал. Попытался сделать шаг, но тут же скорчился от жгучей боли. Всё же пришлось стиснуть зубы и стерпеть: не позориться же перед злодеем. Прихрамывая, поковылял вниз с холма...

Когда волоча ногу, словно чужую, добрался до дома, друзья сидели на скамейке возле ворот. Все потные, никак не могут отдышаться. Я тоже стою молча, продолжая стискивать зубы.

– Когда вырасту, пойду работать сторожем в сад, – ни с того ни с сего брякнул вдруг Толик. – Главнее его нет никого на свете.

– Нет никого хуже, – не согласился Сашка.

Мы посидели, помолчали... Вдруг Ленка заметила, что у меня по ноге течёт кровь.

– Ой! – закричала она, приводя всех в чувство. – Злая собака покусала тебя!

Она сняла с шеи белый шёлковый платок и мигом перевязала рану.

Вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь. Закружился, собирая кольцами мусор с земли и поднимая его в воздух. Мы как закричим в один голос: «Чур меня, чур! Уходи, откуда пришёл!» Но наши слова не помогают, и мы кричим ещё громче: «Чур, чур, чур!»

Можно подумать, дядя Тимеркке послал нам вдогонку не только собак, но и свою злость – буря разошлась не на шутку. Она принялась раскачивать деревья, погнала, покатила по улице всё, что смогла поднять в воздух. Вжи-и-ик! – со свистом скользнула вниз крыша Толикиного дома. Она в мгновение ока слетела на землю, будто блестящая шоколадная обёртка! Мы, растерянные, выбившиеся из сил, стоим и боимся даже вздохнуть – вдруг нас сейчас тоже поднимет в воздух, отнесёт далеко-далеко и бросит в глубокий овраг... С треском сломалась и рухнула на землю старая ветла, которая росла перед домом. Друзья словно только этого и ждали – врассыпную, словно горох, бросились по домам.

Сижую, не шелохнувшись. Заходить в дом ещё страшнее, там никого нет. Ярko блеснула молния, словно разорвала тучу острым, как луч, ножом. Сотряса небесную балку, загрохотал гром, ударила молния, стеной, как из ведра, хлынул проливной ливень. «О, Боже,

– неожиданно для себя в голову приходят слова молитвы. – Прости меня, если согрешил невольно. Защити, если не виноват. Я не зарился на чужое добро, просто хотел попробовать яблочк...».

То ли успел произнести вслух то, что пришло на ум, то ли не успел, как раскрыл от удивления рот. С холма Улыпа напрямик на наш дом с грохотом мчится мощный водный поток! Клубясь и кувыркаясь, с шапкой бурлящей пены, которая местами белая как сметана, а местами тёмно-красная, цвета крови, на меня несётся новый овраг! А если это молочное озеро прорвало? Ну и денёк сегодня выдался: что ещё доведётся увидеть!.. И вдруг, когда первая волна добралась до нашего дома, на её гребне приплыли и рассыпались передо мной... яблоки. Много-много яблок, целая куча. То ли верить своим глазам, то ли нет... Куча, словно гора, растёт на глазах. Может, это мне только снится? Красные, зелёные, жёлтые яблоки... Ну и чудеса! Закончится это когда-нибудь? Если бы сейчас кто-нибудь открыл ворота изнутри, гора яблок обрушилась бы во двор, сметая всё на своем пути. А куда делся водный поток? Вот невидаль! Он изогнулся, проделал себе новое русло и хлынул в сторону оврага...

Я словно во сне поднялся со скамейки. Забыв про покусанную ногу, подошёл к холмику из яблок. Прямо передо мной, словно нарочно стараясь попасться на глаза, лежит огромное золотистое яблоко. Оно насквозь прозрачное, словно небольшой надутый шар, коричневые семечки внутри так и манят попробовать их на язык. Я осторожно протянул руку, словно золотой шар мог исчезнуть. Коснулся его. Какое прекрасное, невыразимо красивое и чудесное яблоко! Но мне нисколечко не хотелось есть его. Прижал золотой гостинец к груди и помчался показать друзьям.

– Сашка! Где Ленка и Толик? Идите сюда! Я нашёл яблоко бессмертия!

Никто не отозвался. В палисаднике перед Ленкиным домом из конуры выскочил Камбур, отряхнулся, задрожав всем телом, лениво пролаял, повернувшись к хозяйскому дому. Это не злыдень дяди Тимеркке, а смирный пес, спокойный, как и его хозяева.

Вдруг из конуры высунулась Ленкина голова.

– Яблоко бессмертия?

Ленка выползла из конуры и встала как вкопанная. Ра-а-адостно так смотрит то на яблоки возле нашего дома, то на золотой шар в моей руке. Даже не удивляется чуду, словно такое происходит в жизни каждый день. Она не решилась потрогать яблоко руками, просто стояла и нежно смотрела на него.

– Васька, сегодня такой день, когда сбываются самые красивые мечты. Покажи мне свою сказочную кибитку...

– Туда заходят только спать... Вот вырастем, и я сразу приду за тобой. Только не забудь про свою мечту.